

РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ/RUSSIAN LANGUAGE. LANGUAGES OF THE PEOPLES OF RUSSIA

DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2025.68.14>

ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ЯЗЫКАХ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА, СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА. ДОПОЛНЕНИЕ

Научная статья

Назмутдинова Т.С.^{1,*}, Головацкая Т.П.², Мартыанова И.А.³, Силантьев Е.Е.⁴, Орлова А.Г.⁵, Заксор Л.Ж.⁶, Федоренкова В.С.⁷, Бродская Е.И.⁸, Валенкова В.В.⁹, Гашилова Л.Б.¹⁰, Рябчикова З.С.¹¹, Туре З.Г.¹², Яркина Е.И.¹³, Булатова Н.Я.¹⁴

¹ ORCID : 0000-0002-4649-3432;

² ORCID : 0000-0001-8183-1671;

³ ORCID : 0000-0003-3526-317X;

⁴ ORCID : 0000-0003-2504-992X;

⁶ ORCID : 0000-0002-4218-363X;

⁷ ORCID : 0000-0002-0785-0273;

¹⁰ ORCID : 0000-0002-0668-9393;

¹¹ ORCID : 0000-0002-7297-5590;

¹² ORCID : 0000-0001-9876-580X;

^{1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14} Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (scurumoch[at]mail.ru)

Аннотация

Статья является заключительной частью исследования второстепенных членов предложения в миноритарных языках коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока и посвящено особенностям выражения дополнения в разносистемных языках. В данной работе рассмотрены материалы по долганскому, эвенскому, эвенкийскому, нанайскому, вепсскому, хантыйскому, мансийскому, ненецкому, эскимосскому, чукотскому и изолированному нивхскому языку, а также представлен синтаксический и семантический анализ дополнения в русистике. В ходе анализа были использованы методы сравнительного анализа текстовых корпусов, интроспекции, описания, дистрибутивного анализа, типологический и структурный методы в исследуемых языках.

Ключевые слова: дополнение, второстепенные члены предложения, долганский, эскимосский, хантыйский, мансийский, эвенский, эвенкийский, нанайский, ненецкий, нивхский, чукотский, вепсский языки.

SECONDARY SENTENCE MEMBERS IN THE LANGUAGES OF THE SMALL INDIGENOUS PEOPLES OF THE NORTH, SIBERIA AND THE FAR EAST. OBJECT

Research article

Nazmutdinova T.S.^{1,*}, Golovatskaya T.P.², Martyanova I.A.³, Silantev Y.Y.⁴, Orlova A.G.⁵, Zaksor L.Z.⁶, Fedorenkova V.S.⁷, Brodskaya E.⁸, Valenkova V.V.⁹, Gashilova L.B.¹⁰, Ryabchikova Z.S.¹¹, Ture Z.G.¹², Yarkina Y.I.¹³, Bulatova N.Y.¹⁴

¹ ORCID : 0000-0002-4649-3432;

² ORCID : 0000-0001-8183-1671;

³ ORCID : 0000-0003-3526-317X;

⁴ ORCID : 0000-0003-2504-992X;

⁶ ORCID : 0000-0002-4218-363X;

⁷ ORCID : 0000-0002-0785-0273;

¹⁰ ORCID : 0000-0002-0668-9393;

¹¹ ORCID : 0000-0002-7297-5590;

¹² ORCID : 0000-0001-9876-580X;

^{1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14} A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, Saint-Petersburg, Russian Federation

* Corresponding author (scurumoch[at]mail.ru)

Abstract

The article is the final part of the study of secondary sentence members in the minoritised languages of the indigenous minorities of the North, Siberia and the Far East and is devoted to the specifics of object expression in different languages. This work reviews materials on Dolgan, Even, Evenki, Nanai, Vepsian, Khanty, Mansi, Nenets, Eskimo, Chukchi and isolated Nivkh language, and presents syntactic and semantic analyses of the complement in Russian studies. The methods of comparative analysis of text corpora, introspection, description, distributive analysis, typological and structural methods in the studied languages were used in the course of the analysis.

Keywords: object, secondary sentence members, Dolgan, Eskimo, Khanty, Mansi, Even, Evenki, Nanai, Nenets, Nivkh, Chukchi, Vepsian languages.

Введение

Дополнение является одним из компонентов синтаксической структуры предложения, представляет значительный интерес для лингвистических исследований в контексте языкового разнообразия.

При кажущейся прозрачности термина *дополнение* (особенно в школьной программе), его лингвистическая трактовка сопряжена со многими теоретическими и практическими трудностями. В русистике большое значение имеет морфологизированный подход академика А. А. Шахматова [13, С. 1–31] к второстепенным членам предложения. Он дифференцировал разные типы дополнений: простое (беспредложные формы имени): *У дверей я увидела забавного щенка*; релятивное (имя с предлогом): *с книгой, под Петербургом* и др.; дополнительный глагольный член (инфинитив): *люблю читать*; дополнительный субстантивный член: *Студентом Чехов разыгрывал дома заседание суда присяжных*.

В дальнейшем представления о дополнительном субстантивном члене были развиты Л. Д. Чесноковой, предложившей термин *дулексив* для обозначения второстепенного члена предложения с двойной синтаксической зависимостью [12]. В самом деле, форма слова *студентом* определяется зависимостью и от подлежащего *Чехов*, и от сказуемого *разыгрывал*.

Дополнение надо отличать от главного компонента генитивных предложений, существительного или местоимения в форме родительного падежа [4, С. 97–99]. Эти предложения эмоционально-экспрессивно выражают значение большого количества кого-либо или чего-либо (*Народу! Смеху! Цветов!*).

Концепция детерминантов (в данном случае имеются в виду субъектные и объектные детерминанты) [14, С.177–193], усложнила представления о дополнениях как о присловных распространителях. Дополнению, как и детерминанту, присуща субъектная и объектная семантика (*открытый* *Пешковским* *закон*; *посадить* *дерево*). Однако в предложении *Сильному человеку иногда очень трудно жить на свете* слово *человеку* является не обычным дополнением, а субъектным детерминантом, относящимся к структурной схеме в целом. Существуют и другие типы детерминантов (соответствия, сопоставления), которые легко спутать с дополнениями — присловными распространителями [4, С. 138–148].

В практике синтаксического разбора важно помнить, что не все формы существительного или местоимения, отвечающие на вопросы косвенных падежей, выступают в качестве дополнений. Ими не являются компоненты сказуемых: *Брат обладает неумением молчать*.

В русском языке дополнение может быть выражено не только существительным или местоимением, но также инфинитивом, который не входит в состав сказуемого: *Бабушка просит меня прийти*. Следует также обратить внимание на то, что в этом предложении глаголы *просить* и *прийти* называют действия разных лиц.

Для того чтобы отличать дополнение от других синтаксических явлений, необходимо знать его семантику. Оно называет объект (*увлекается шахматами*), адресат (*дает сестре*), орудие (*режет ножом*), субъект (*выполняется школьниками*), точку приложения сил (*взгляд в лицо*).

Если дополнение выражено существительным или местоимением, возникают трудности в его отличии от несогласованного определения и обстоятельства. В вузовском учебнике В. В. Бабайцевой и Л. Ю. Максимова [1] была сделана попытка дифференциации конкурирующих членов предложения. Несогласованные определения называют признаком предмета (*брюки в клетку*), указывают на принадлежность кому-либо или чему-либо (*увлечение мальчика*), а дополнения имеют объектную семантику (*открытие Америки*), называют компонент, часть целого (*стакан воды*). Несогласованное определение можно трансформировать в согласованное (*ветер с моря / морской ветер*). Существительное (главный компонент, управляющий дополнением), как правило, можно заменить глагольной формой: *встреча с товарищем / встречаться с товарищем*.

Именные формы дополнения связаны с другими членами предложения сильным или слабым управлением, а обстоятельства — примыканием. Однако возможен переход слабого (необязательного, непредсказуемого) управления в именное примыкание: *встреча в парке*. Это допускает школьную трактовку выделенных форм в качестве обстоятельств или определений (*встреча – где? или какая?*).

Эмпирической базой статьи служат как оригинальные полевые данные, собранные авторами, так и опубликованные текстовые материалы по языкам северных народов.

Целью настоящего исследования является системное описание способов выражения дополнения в языках миноритарных северных народов с учетом их типологических особенностей и современных процессов языкового изменения.

Полученные результаты могут быть полезны при изучении и преподавании языков малочисленных северных народов.

Обсуждение

2.1. Дополнение в тюркских языках

Морфологическое выражение дополнения в долганском языке осуществляется преимущественно посредством падежной системы, сохраняющей общетюркские черты. Наиболее продуктивным средством оформления прямого дополнения выступает винительный падеж с аффиксами *-ны/-ни*, функционирующий в соответствии с принципом определенности/неопределенности объекта. Примечательно, что в отличие от многих других тюркских языков, в долганском наблюдается более жесткая корреляция между степенью определенности объекта и обязательностью падежного маркирования. Например, мин таба-**ны** (афф.вин.падежа) *көрдүм* «я увидел этого оленя». В случае неопределенности объекта падежное маркирование может отсутствовать, например, мин таба *көрдүм* «я увидел оленя».

В долганском языке косвенное дополнение выражается разными падежами в зависимости от его роли в предложении. Так, аффиксы дательного падежа *-га/-ка/-гэ/-кэ* указывают на адресата или цель, например, гини

поселок-ка барда «он уехал в поселок»; аффиксы исходного падежа -тан/-тэн/-дан/-дэн используются при обозначении исходной точки, например, күөк каллаан-тан ууга түстэ «с синего неба в воду упал».

Отметим, что в отличие от некоторых других тюркских языков, выбор падежа в долганском строже привязан к семантике.

Особого внимания заслуживает синтаксическая позиция дополнения в долганском предложении. В отличие от большинства тюркских языков, где наблюдается фиксированный порядок слов, в долганском языке возможно вариативное расположение дополнения относительно других членов предложения, что может быть объяснено как влиянием языковых контактов, так и внутренними процессами грамматикализации.

Важной типологической особенностью долганского языка является активное использование послеложных конструкций для выражения семантики косвенного дополнения. Данное явление, нехарактерное для большинства тюркских языков, представляет собой результат длительного контактного взаимодействия с соседними языковыми системами.

Семантическая дифференциация дополнений в долганском языке осуществляется посредством сложного взаимодействия падежного маркирования, порядка слов и глагольной валентности.

2.2. Дополнение в тунгусо-маньчжурских языках

В эвенском языке базовым порядком слов является позиция дополнения перед сказуемым. Дополнение всегда находится в комплементарных отношениях, главное слово определяет тип дополнения, например, переходные глаголы требуют прямого дополнения. Прямое дополнение выражается формой винительного и назначительного падежей, к нему ставятся вопросы нив? (ед. ч.), нилбу? (мн. ч.) 'кого?', яв? (ед. ч.), ялбу? (мн. ч.) что? ягай? (ед. ч.) ягавур? (мн. ч.) что? (для кого предназначенное?). Например: Асал *тэвтэв* тэвлддэ 'Женщины собирают ягоду'. Косвенное дополнение выражается формами косвенных падежей: Би *упэди* умтав ирирэм 'Я сварил бабушке яйцо'.

В эвенском языке дополнения комплементарны различным частям речи: глаголу и его причастным и деепричастным формам, именным частям речи и наречию.

В эвенском языке дополнение выражается именем существительным (Өмнэкэн, *орарбу* көсчидми, би нёнчаку иттив 'Однажды, когда пас оленей, я увидел волка'), числительным (Өмнэкэн би илам некив марив 'Однажды я убил трех уток'), местоимением (Би ноннюнни амрак гямачилрив 'Я с ним подружился позже'), причастием (*Дукапчав* мудакилра 'Закончите запись (записанное)'), деепричастием (Нёнчак, *дептэй* гэлэтникэн, гору хигили туттэн 'Волк, ища поест, долго бежит по лесу') и именем отрицания ачча (Нонан оран *аччаван* итчэ 'Он увидел отсутствие оленя').

В эвенском языке дополнение расположено перед словом, которым оно управляется. Косвенное дополнение обычно предшествует прямому: Би *нонардутан туркич улрэв* эмурэм 'Я им на нартах мясо привез'. Положение косвенного дополнения в зависимости от логического ударения может быть постпозитивным к прямому дополнению: Эньму городтук мучуриди, кэмпету чэлэвэн (прямое дополнение) минду (косвенное дополнение) бөрин 'Моя мать, вернувшись из города, все конфеты мне дала'; Пито *нину* (прямое дополнение) *дюдукуй* (косвенное дополнение) илбэрин 'Пито собаку из своего дома выгнал'.

В нанайском языке прямое дополнение подчиняется переходным глагольным словом и обозначает объект, на которое направлено действие, оно формой винительного, назначительного и именительного падежа.

Прямое дополнение может быть выражено прямо или заместительно (*Ака дәи гүчэмбэ вāхани*, *Сибэ-тэни нүчивэ вāхани* «Ака поймал крупную щуку, а Сибэ маленькую поймала»). Прямое дополнение может быть выражено именной частью речи в форме винительного падежа: именем существительным или сочетанием существительного с определительным послелогом (*Нёанчи буэ голопова бонгоди ичэйчи* «Они нашу национальность впервые видят»); именем прилагательным при заместительном употреблении (*Тэй най гучуливэ мангади улэчи бичини* «Тот человек очень любит красивое»); количественным числительным (*Дюэр миңга" нюугу таңго сосайчи тойнга миңган хую" таңго дэхивэ нонгосу* «К двум тысячам шестистам пятидесяти прибавьте пять тысяч сто сорок»); именем отрицания в притяжательной форме (*Энини муэлэсэду муэ абавани асиа никтэдуи ичэвээнкени* «Мать показала дочери отсутствие воды в ведрах»); личным местоимением (*Буэ нёамбани аргалами хисангоайсипу* «Мы говорим не для того, чтобы его обмануть»), возвратным (*Нёани мээпи удирилэй хусэвэ-рэгдэ гэлэмэчини* «Она ищет только мужчину, который бы ее содержал»), указательным, предикативно-притяжательным при заместительном употреблении, предметно-указательным при заместительном употреблении, качественно-указательным, вещественно-вопросительным, качественно-вопросительным местоимениями (*Си чāгдя" тэтуэвэ гачиси, эйкэси-тэни хони бивэ гачини?* «Ты белое платье купила, а твоя сестра какое купила?»). Прямое дополнение может быть выражено устойчивыми словосочетаниями *уйвэ-дэ хэм* «всех» и *хайва-да хэм* «всё» (*Тачиочимдисалпу мурундиэни уйвэ-дэ хэм тачиочими мутэури* «С умами наших учителей можно обучить всех»); личным причастием (*Боатомди тэй гормахонсалба няронду бивэ эмдиэдиэни вāктахани* «Охотник тех зайцев, на болоте находящихся, одного за другим убил»); притяжательной формой причастия с вопросительными словами (*Асиу хаоси-да пулсивэни тэй мапа сāйчачани* «Тот старик хотел знать, куда ходит его жена»); безличным причастием с вопросительными словами (*Хали Буричи энэуриэв буэ пэргэлихэпу* «Мы советовались, когда поехать в Хабаровск»); безличным причастием в форме обычности действия (*Алосиру, хони непултэвэ ходасиоривани* «Объясни, как продавать пушнину»).

Только имя существительное может выступать в качестве прямого дополнения в форме назначительного падежа, но лишь при отсутствии другого прямого дополнения в винительном падеже, подчиненного тому же слову (*Эй никтэи вāхани сээпэди аноңгои улпидемби* «Из этого соболя, которого убил мой сын, я шапку себе сошью»). Прямое дополнение может быть выражено именем существительным в форме именительного падежа (*Тамача ота-ка ми эси-мэт ичэухэ* «Такую обувь я только теперь вижу»).

Косвенное дополнение обозначает предмет, участвующий в действии, но не являющийся его субъектом или прямым объектом. Выражение адресата речи винительным падежом бывает в предложениях с косвенной передачей прямой речи и не связанных с передачей прямой речи (*Ми симбивэ хае уукимби? Хэмэ осироам уукимби* «Я тебе что

сказал? Тихо сиди, мол, сказал»). Имена в форме назначительного падежа выражают косвенное дополнение назначения (*Хуйгисэгуи эпэмбэ эпэну* «Пожарь мне в дорогу лепешек»).

В функции обозначения орудия действия косвенное дополнение в творительном падеже, выраженное именными частями речи и причастиями, обозначает предмет (*Амимби огдади дичини* «Папа приехал на лодке»). Имена и причастия в форме творительного падежа могут выражать косвенное дополнение повода, при глагольных словах страдательного залога, возмещения, разницы, противопоставления, отождествления, превращения, исхода, соответствия. В форме дательного падежа имена, обозначающие одушевленные предметы, могут выражать косвенное дополнение косвенного субъекта обладания, адресата или предназначенности, косвенного объекта состояния, обратного превращения. Имена, обозначающие неодушевленные предметы в форме дательного падежа могут выражать косвенное дополнение присоединения, разделения. Имена и причастия в форме дательного падежа могут также выражать косвенное дополнение местонахождения, косвенного субъекта действия.

В эвенкийском языке прямое дополнение может быть выражено именем существительным в винительном падеже (*Аминми миндү книгага бурэн*. Отец дал мне книгу); в винительно неопределенном падеже для выражения объекта: а) на который направлено действие, но при этом он неизвестен или его нет в наличии, или действие не произведено (*Бэюнэ гэлэктэнэм* Лося (неизвестного) пошёл искать); б) существительное обозначает часть предмета, на который направлено действие (*Укумние унукэл Молока (часть) налей*); в) существительное обозначает предмет, который предназначается для кого-либо (*Унтаян ёкал Унты для него шей*).

Также прямое дополнение может быть выражено местоимениями (*Бй бирадү синэвэ нуанман-да ичэм* Я на реке тебя и его увидел), причастиями (*Хавалдырива кэнерэ* Работающего похвалили) и именем отрицания *ачин* (*Синэ ачин гунчэтын* О твоём отсутствии сказали).

Эвенкийская падежная система обеспечивает точное кодирование семантических отношений между глаголом и дополнением. Разветвлённая система локативных падежей (дательный, направительный и др.) позволяет дифференцировать направленность, адресацию и инструментальность действия. Уникальной чертой является использование отложительного падежа для выражения сравнения и причинности, что отражает глубину грамматической категоризации в языке.

В нанайском языке имена и причастия в форме местного падежа могут выражать косвенное дополнение отложительности, проникновения, продолжности, соответствия, соприкосновения, местонахождения, замены, причины, предела, внедрения, области деятельности. Косвенные дополнения могут выражаться аналитическими сочетаниями имен с послелогами в форме местного падежа.

В форме направительного падежа имена и причастия могут выражать косвенное дополнение ориентира, внедрения, предела, присоединения, препятствия, адресата речи, адресата чувства. Формой исходного падежа имени может выражаться косвенное дополнение исхода и отложительности. Сравнительная форма имени или причастия в составе сравнительного оборота выражает косвенное дополнение эталона. Имена существительные в форме обладания выражают косвенное дополнение сопровождения. Имена существительные, обозначающие родственные и близкие отношения в форме совместности могут выражать косвенное выражение совместности. Различные виды косвенного дополнения выражаются сочетаниями имен с послелогами.

2.3. Дополнение в финно-угорских языках

В вепсском языке порядок членов повествовательного предложения в большинстве случаев совпадает с русским: субъект — предикат — объект (дополнение). В нем выделяется только прямое дополнение, которое выражается с помощью существительного, местоимения, числительного или причастия. Объект в вепсском языке может быть полным или *парциальным* (частичным).

Полное дополнение выражается падежом аккумулятив. В предложении после глагола в личной форме в роли дополнения выступает имя существительное в форме падежа аккумулятив, обозначающее конкретный счётный предмет,

Существительное: *Priháiŋe da d'ööčkaiŋe g'äg'ibaban päčhe l'ükäit'ihe* «мальчик и девочка бросили бабу-ягу в печь» [3, С. 304].

Причастие: Вепсское активное причастие настоящего времени тяготеет к субстантивации. Такое субстантивированное причастие может быть в предложении объектом и переводится на русский язык как причастие, так и как существительное: *rakičii käleb pert'imu i vauvatab* «нищий (= *просящий*) ходит по домам и с надеждой ждет [подавния]» [3, С. 620].

Парциальное дополнение употребляется, когда речь идет о словах, обозначающих неконкретный и несчетный предмет (или группу таких предметов). Частичное дополнение в предложении стоит в форме падежа партитив.

Существительное: *Murenziŋ l'iibad l'induil'e* «я накрошил хлеба птицам» [3, С. 338].

Местоимение: Личные местоимения почти во всех случаях стоят в форме падежа партитив: *g'oks'in, g'oks'in da habi händast küksiŋ* «я бежал, бежал, да еле его догнал» [3, С. 254].

При глаголах в отрицательной форме дополнение в вепсском языке всегда стоит в форме падежа партитив: *kudei kol'mid' sarkoid' ed murenda, mindei ed l'üuda* «пока трех пар сапог не износишь, меня не найдешь» [3, С. 338].

В предложении в позиции при глаголе в форме повелительного наклонения и имперсональной форме глагола полное дополнение стоит в форме падежа номинатив: *hiinan mijau pandas ezmäi g'ogem'e* «сено у нас заготавливают сначала по берегам рек» [3, С. 82].

В роли дополнения в вепсском языке, помимо именных и отглагольных частей речи, могут употребляться словосочетания, например, *toiŋ kaks' regeverdad hougoi'd* «я привез два воза дров» [3, С. 627].

В дополнении-словосочетании в вепсском языке первая часть словосочетания находится обычно в форме номинатива единственного числа.

В вепсском языке выделяется именно прямое дополнение. Косвенного дополнения, как в русском или финском, в вепсском языке нет. В роли дополнения обычно встречаются существительные, местоимения, числительные или причастия. Объект может быть полным или *парциальным*, как и в родственных языках, например, в финском. Полное и *парциальное* дополнение, выраженные именными частями речи, функционируют в формах падежей аккузатив и номинатив (полное дополнение), и партитив (частичное дополнение). Интересно, что форма глагола в предложении влияет на падежную форму объекта (повелительное наклонение, имперсонал, отрицательная форма). Как и в русском языке, в вепсском предложении в роли дополнения может выступать словосочетание.

В хантыйском языке система дополнения демонстрирует ряд типологически значимых характеристик, обусловленных его принадлежностью к угорской ветви уральской языковой семьи. «Прямое дополнение обозначает объект, который подвергается действию или возникает в результате действия, отвечает на вопросы: *хуй?* *хуйтэжэн?* *хуйтем «кого?»*, *муй?* *муйжэн?* *муйэт «что?»*. Косвенное дополнение чаще всего находится между подлежащим и сказуемым, отвечает на падежные вопросы без послелога или в сочетании с ними: *хуйа?* «кому?», *муйа?* «чему?», *хуйэн?* «кем?», *муйэн?* «чем?», *хуй пила?* «с чем?», *хуй эвалт?* «от кого?», *муй эвалт?* «от кого?», *хуй йўкана?* «вместо кого?», *муй йўкана?* «вместо чего?»» [15, С. 57].

Нередко конечную позицию занимают фокусные подлежащие, прямые и косвенные дополнения: *уй кәнши мәнэс кутэп пух «удачу искать пошел средний сын»*; *холмит хәтэл шивалэс ййш хуца лўв йэлпэлн вон тац па мир «на третий день увидел на дороге перед собой большое стадо и людей; имультыйн лўв войтантэс нуви тушэп ики пила «однажды он встретился с белобородым старцем»*.

При наличии глагола-сказуемого, стоящего в абсолютном конце, ключевой элемент предложения, выраженный прямым дополнением или обстоятельством, обычно располагается непосредственно перед ним: *лыв нәжэна йор мәлэт «они тебе силу дадут»*; *ампэл мулты арат лук, лаңки войтылэс «собака его сколько-то глухарей, белок находила»*; *нын ов хонән лолаты «вы возле дверей стойте»*; *ертәм вуй волас пәлатгыа йухтас «вылившийся жир до скамьи (высотой) дошел»*; *сопэк муй хув тайла «сапоги недолго ведь носят»*.

В мансийском языке прямое дополнение выражается основным падежом и отвечает на вопросы: *хонха?* *хоттыют?* *кого?* *маныр?* *что?* Например, *Агирись әпситэ нёвиты. «Девочка качает братишку»*; *Акум тээнут вари «Бабушка готовит обед»*. Е. И. Ромбандеева отмечает, что «в мансийском языке логически прямой объект действия может быть выражен не только именем в основном падеже, но также именем существительным в творительном падеже, что зависит от общей семантики предложения. Прямое дополнение в основном падеже может выражать определённый или неопределённый объект, в творительном же падеже — только определённый. Адресат действия в направительном падеже выражает тоже только определённый предмет, лицо. Это является особенностью мансийского языка, а также, некоторых северных диалектов хантыйского языка» [10, С. 49].

В функции прямого дополнения выступают имена существительные, местоимения, прилагательные, числительные и причастия. В роли дополнения могут также выступать личные, а также и некоторые безличные местоимения. В этом случае они стоят в винительном падеже. Например, *Нау әнум ул пилуптээл «Ты меня не пугай»*.

Прямое дополнение связывается с глаголом-сказуемым не только по способу падежного управления. При объектном типе спряжения глагола прямое дополнение согласуется со сказуемым посредством объектных суффиксов: *Омам мёнамён юв вёвсаге. Мама позвала нас домой.*

Дополнение, обозначающее предмет или лицо, с помощью которого или совместно с которым производится действие, называется косвенным дополнением. Косвенное дополнение отвечает на вопросы *манарыл?* *что?* *с чем?* *хонхал?* *хоттыютыл?* *с кем?* *над кем?* *хонхан?* *хоттыютн?* *кому?* и др.: *бйка суныл мйны. Мужчина едет на нартах. Тав нәйв сәграпыл сәгри. Он колет дрова топором. Косвенными дополнениями могут быть различные именные категории, наречия, а также сочетания имени в основном падеже с послелогом, оформленным косвенным падежом.*

В роли дополнения в мансийском языке может выступать слово любой части речи, кроме служебных слов.

2.4. Дополнение в самодийских языках

Прямое дополнение в ненецком языке управляет переходным глаголом-сказуемым, а также членами предложения, выраженными причастием, деепричастием или глагольным именем. Прямое дополнение отвечает на вопросы винительного падежа: *хибям?* *кого (одного)?* *ңамгэм?* *что (одно)?* *хибяха?* *кого (двоих)?* *ңамгэхэ?* *что (два)?* *хиби?* *кого (многих)?* *ңаво?* *что (многое)?* Например: *Мякандо' минзь нацекы' сензям' манэ"мы". Идя домой, дети увидели глухаря.*

Наиболее употребляемой формой выражения прямого дополнения обычно является форма винительного падежа именной части речи: *Лымбадо понга на марадм сертаць. Неро яхакомда танда. «Он поднялся вверх по поросшей кустарником речке» (сущ.); Маня" сидна" сававна лэтрамбида" «Берегите нас хорошо» (местоим.); Нацекы" вэсэй ёртям' нядаби". «Дети помогают старому рыбаку» (прич.); Нюрте"э юкад самлянгм' ха"авра тара, таддикахад си"ивм' няда тара. «Сначала нужно от десяти вычесть пять, затем прибавить семь».*

Косвенное дополнение в ненецком языке отвечает на вопросы всех косвенных падежей, кроме винительного падежа. Косвенное дополнение может быть выражено именем существительным дательно-направительном падеже, отвечающим на вопросы: *хибян?* *кому?* *к кому (одному)?*, *хибяха' ня?* *кому?*, *к кому (двоим)?*, *хибяха"? кому?*, *к кому (многим)?* Косвенное дополнение в дательно-направительном падеже обычно указывает направление действия. Например, *Некани мэ"мы вади нин юрңу" «Сказанное старшему брату слова ты не забудешь».*

В местно-творительном падеже дополнение также выражается именем существительным, отвечающим на вопросы: *хибяхана?* *кем?* *с кем (одним)?* *хибяха' няна?* *кем?*, *с кем (двумя)?* *хибяха"на?* *кем?*, *с кем (многими)?* *ңамгэхэна?* *кем?*, *с чем (одним)?* *ңамгэхэ' няна?* *кем?*, *с чем (двумя)?* *ңамгэхэ"на?* *кем?*, *с чем (многими)?*

Косвенное дополнение в местно-творительном падеже может обозначать: средства передвижения, например, *ёртина" поңгахана ёрта" «Рыбаки наши будут рыбачить неводом»; орудие действия, например, тунихина хане" «Охотятся ружьём»; совместность, например, вэсако пили" нянана" илесеты «Старик всегда с нами жил».*

Косвенное дополнение может быть выражено именем существительным в отложительном падеже, отвечающим на вопросы: хибяхад? кого? от кого (одного)? хибяха'няд? кого? от кого (двоих)? хибяхат? кого? от кого? (многих)?

Косвенное дополнение в отложительном падеже может обозначать от кого получен предмет. Например: Пыдар няданд мядонзэң тым' хана «Он получил от тебя оленя в подарок»; сравнение двух предметов, например, няр няданд тет повна царкарка «Брат твой старше тебя на четыре года».

Отложительного падежа требуют глаголы пинась «бояться», ня"мась «взять, поймать», саякальц «укусить» и др. Например: Тэвасико тэняхад пина, сармикахад пина. «Зайчик лисы боится, волка боится»; Вэнеко си"ми нэхэдан саякалңа. «Собака укусила меня за ногу»; Небямда нудахаданда ня"мада. «Схватил за руку мать».

Дополнение, выраженное именем существительным в продольном падеже, отвечает на вопросы: хибявна? «о ком (одном)?» хибяха' нямна? «о ком (двоих)?» хибя"мана? хибя"амна? «о ком (многих)», ңамгэвна? «о чём? почему?» ңамгэхэ' нямна? «о чём (о двух предметах)?», «по чему (по двум предметам)?» ңаво"мана? «о чём (многим)?», «по чему (по многим предметам)?» Например: носи"мана хане пяңгува. «Начнём промышлять песцов».

Продольного падежа требуют глаголы: ханесь «охотиться, промышлять», тэмдась «купить», тябихось «скучать», минзь «идти», нэдалёсь «ехать (на нарте)» и др.

Дополнение, выраженное именем существительным в назначительном падеже, отвечает на вопросы: хибядан? кем для меня? хибяданд? кем для тебя? хибяданда? кем для него? Например: Тюку сую тэданд нэңгу. Этот телёнок будет для тебя оленем.

В назначительно-превратительной форме дополнение отвечает на вопросы: хибяңз? «кем?», ңамгэңз «чем?». Например: Тэваси сэрако тарта лыңгңэ мэ"ңада, «Зайчику белая шерсть служит защитой».

Дополнение может выражаться другими именными частями речи, такими как местоимение и имя числительное: Хибя мань няни тэвы"? «Кто ко мне пришёл?» (местоим.); Сидяхад хуныв" «От двух убежал».

Отметим, что дополнения, выраженные именными частями речи, достаточно часто употребляются с послелогами, например: Иrimi ханда хэвхана нусь няни сырңа. «Дедушка смотрит на меня, стоя возле нарты».

2.5. Дополнение в эскимосско-алеутских языках

В эскимосском языке прямое дополнение может выступать в форме абсолютного падежа имени существительного только при субъектном-объектном глаголе (переходным), например, Югым аглятақа җуйниҗ «Человек ведет оленя». Абсолютный падеж имен существительных имеет нулевой показатель, поэтому выступает в исходной форме слова, а в приведенных примерах субъектно-объектные глаголы употребляются в форме 3-е лица ед.ч. субъекта+ 3-е лица ед.ч. объекта («он его»). Это одно из основных отличий эскимосской грамматики от русской. В русском языке именительный падеж всегда выступает в роли подлежащего, то эскимосский абсолютный падеж может быть и подлежащим (при субъектном глаголе), так и прямым дополнением (при субъектно-объектном глаголе).

Прямое дополнение также выражается формой творительного падежа имени существительного: Аҕнаҕаҕ укиниҕуҕ җипаҕамыҕ. «Девушка шьет камлейку». В этом примере подлежащее выступает в абсолютном падеже, сказуемое — субъектный глагол, а прямое дополнение в творительном падеже в форме ед.ч. с показателем -мыҕ.

Косвенное дополнение в эскимосском языке выражается в творительном падеже. Стоит отметить, что творительный падеж в эскимосском языке самый многообразный и сложный по своим значениям падеж. Например, творительный отложительный выражает значение лица, у которого что-либо берут, узнают, спрашивают: Таҕнухамныҕ пикиҕусиҕа туюсаҕ. «От детей моих получил посылку»; творительный орудийный обозначает орудие или инструмент, которым совершается действие: Аҕнам авгуҕаҕа ныҕа сывигмыҕ. «Женщина режет мясо ножом». Частные значения творительного падежа не ограничиваются вышеназванными, а также выделяют творительный средства передвижения: Агуляҕнаҕут инсынамыҕ. «Они сейчас отправляются машиной»; творительный материала (обозначают материал, из которого изготовлен какой-либо предмет) Аткук улимаҕаҕа амирамыҕ. «Кухлянку я шью из кожи»; творительный сравнения Агыпик ануҕ маҕлямыҕ. «Гренландский кит больше лахтака».

Косвенное дополнение, выраженное в дательно-направительном падеже, указывает на адрес, в сторону которого направлено действие. В этой функции имена существительные имеют несколько значений: имя в форме дательно-направительного падежа указывает на лицо или предмет, в сторону к которым, к которым направлено действие: Таҕнухамнун аҕлялта. «К детям пойдем»; имя в форме дательно-направительного падежа с глаголами «прикреплять», «пришивать», «присоединять», «прислонять» к чему-либо: Мыкылҕиҕаҕ тамлюҕхсимаҕ миҕлямун. «Мальчик прислонился к стене».

Дополнение, выраженное в местном падеже имен существительных, называет предмет, лицо, или место, где совершается действие: Кайҕат кияхтаҕут нуниваҕми. «Бурые медведи живут в тундре». Показателем местного падежа является суффикс-ми.

Существительные в продольном падеже, выполняющие роль косвенного дополнения, могут иметь несколько значений: движение сквозь предмет: Ыргысыкун алитаҕуҕ нуниваҕ. «Через окно виднеется тундра»; действие при помощи или посредством предмета Унҕахкун альхыхтаҕуҕ аҕымыҕ. «При помощи гарпуна добывает кита»; средство передвижения: Хуаҕа касимаҕа Ытшымыҕ тыҕыҕаохкун. «Я прилетела из Лаврентия на самолете».

В роли прямого дополнения в эскимосском языке могут выступать вопросительные местоимения «кина» и «сянуа». В некоторых случаях причастия могут выступать в роли дополнения, например, Хуаҕа акузилги нагауҕупынан, суюмхутаҕаҕа нагаҕумаҕа. «Я говорящего не слушал, но задуманное им понял».

Таким образом, в эскимосском языке дополнение выражается именами существительными в абсолютном, творительном, дательно-направительном, продольном и местном падежах, вопросительными местоимениями и некоторыми причастиями.

2.6. Дополнение в чукотско-камчатских языках

Чукотский язык обладает уникальной системой выражения дополнения, которая сильно отличается от рассмотренных выше языков. В чукотском языке вместо изменения формы существительного информация о

дополнении «спрягается» в самом глаголе. Глагол содержит грамматические показатели, указывающие на лицо, совершающее действие и над кем/чем оно совершается: эзык ныџорагынрэтџэн лыгэчавчывагыты «сын пас оленей для очень богатого оленевода».

Информация о дополнении встраивается в сам глагол через специальные аффиксы. Вместо того чтобы менять форму существительного (как в русском языке), глагол «указывает» на объект действия. Например, гым тыльуркынгыт «я вижу тебя». Прямое дополнение может сливаться с глаголом, образуя единое слово. Например, «корагынрэттыркын «олень-охраняю» вместо гым ныгынерэрыкын қораңы «я охраняю оленя». Следует отметить, что наиболее употребительной формой является указанная в первом примере, так как это происходит благодаря грамматическому явлению инкорпорации.

Чукотский язык демонстрирует специфическую систему выражения дополнения, где основная нагрузка ложится на глагол. Это делает его ярким примером полисинтетических языков, где одно слово может передавать значение целого предложения.

Изучение таких механизмов помогает понять, как языки адаптируются к коммуникативным потребностям носителей, особенно в условиях устной традиции и кочевого образа жизни.

2.7. Дополнение в изолированных языках

В нивхском языке прямое дополнение обозначает предмет, на который непосредственно направлено действие. Прямое дополнение отвечает на вопросы абсолютного падежа нар? «кого?», нуд? «кого? что?» и обычно непосредственно примыкает к сказуемому. Абсолютный падеж является падежом прямого дополнения при прямопереходных глаголах, выраженным существительным, местоимением, числительным.

Косвенное дополнение в нивхском языке обозначает предмет, который в какой-то мере связан с действием и отвечают на вопросы всех косвенных падежей.

Дательно-винительный падеж является формой существительного, выступающего в предложении в функции косвенного дополнения, обозначающего объект, на который направлено побуждение совершить то или иное действие и отвечает на вопросы нарах? «кого? кому?» нудах? «кого? кому?», например, Ян п' џафџах п'эрх парф п'рагуйныд. «Он позволил своему другу прийти к нему вечером».

Имя существительное в сравнительном падеже выполняет в предложении роль косвенного дополнения и отвечает на вопросы нарак? «по сравнению с кем?» нудак? «по сравнению с кем? по сравнению с чем?», например, Ян п' нанџак потюрлад. «Она по сравнению со старшей сестрой красивее».

В предложении имя существительное в дательно-направительном падеже выполняет роль косвенного дополнения и отвечает на вопросы нартох? «кому? для кого?» нудрох? «кому? для кого? для чего?», например: Ытк эҕлүдох ненџ гед. «Отец для ребенка игрушку купил».

В предложении имя существительное в творительном падеже выполняет роль косвенного дополнения и отвечает на вопросы наркир? «кем?» нудгир? «кем? чем?», например: П'раукгун џаркир џ'ави хыздгун. «Ученики лопатами снег копали».

Косвенные дополнения в падежах могут обозначать адресат действия, средство и орудие действия, предмет, предназначенный для чего-либо или для сравнения и др.

Различаются послелоги, выполняющие функцию косвенного дополнения, например: к'ры (р') ~ хры(т) 'с', к'рыгры ~ хрыгры «ради, для, из-за», томск ~ ромск «вместе с», «с», «к».

В нивхском языке каждый член предложения, как правило, занимает фиксированное место в предложении: сказуемое — в конце предложения, подлежащее — в первой его части, обстоятельство или определение — в начале предложения или в середине, дополнение тяготеет к сказуемому. Приведем примеры, в которых имена существительные выступают в функции прямого и косвенного дополнения: Ян ниндох оҕркун т'орп'рыд. «Она нам гостинцы принесла» (П → Дк → Дп → С); Атим алркир п' эҕлү ард. «Бабушка покормила своего ребенка» (П → Дк → Дп → С); Нин вонгун пила доҕо ивдгун. «Наши жители большой огород имеют» (ОП → П → ОП → Дп → С); Наџх атк пила т'ускух чаму џах нрыд. «Сегодня дядя на большой ели орла гнездо увидел» (ОБ → П → ОП → ОБ → ОП → Дп → С).

Важно отметить, что ряд прямопереходных глаголов, например, марџт «наливает что-либо чем-либо», юпуд «опускает в жидкость что-либо чем-либо», ярд «кормит кого-либо чем-либо», вылкт «смешивает что-либо чем-либо» и др. могут управлять двумя именами в абсолютном падеже — прямым и косвенным дополнением.

Заключение

В долганском языке дополнение выражается преимущественно винительным падежом, но может также маркироваться другими падежами в зависимости от семантики глагола. Как и в других тюркских языках, порядок слов играет важную роль: дополнение обычно предшествует сказуемому. В отрицательных и вопросительных конструкциях возможны изменения в синтаксическом оформлении. Особенностью долганского является использование посессивных показателей при выражении принадлежности объекта действия. Анализ структуры дополнения помогает лучше понять синтаксические и морфологические особенности языка в рамках тюркской группы.

В тунгусо-маньчжурских языках основным средством маркировки прямого дополнения является винительный падеж, однако его оформление различается.

В эвенкийском языке прямое дополнение при переходных глаголах обычно принимает суффикс -ва/-вэ/-ма/-мэ (винительный падеж), а в отрицательных конструкциях может заменяться родительным. В эвенском языке винительный падеж также выражается суффиксами -в/-м, но в разговорной речи возможны вариации. В нанайском языке прямое дополнение маркируется суффиксом -ва/-вэ, а в некоторых диалектах наблюдается тенденция к его опущению при определенном порядке слов.

Косвенное дополнение в этих языках выражается дательным, направительным или исходным падежами, в зависимости от семантики глагола. Например, в эвенкийском адресат действия оформляется дательным падежом (-ду/-дү), а в нанайском может использоваться направительный падеж (-и/-ди).

Важной особенностью является синтаксическая роль порядка слов: дополнение обычно предшествует сказуемому, но в эмфатических конструкциях возможна инверсия. Кроме того, в эвенском и эвенкийском языках наблюдается влияние глагольного вида на падежное маркирование объекта: при глаголах совершенного вида чаще используется винительный падеж, а при глаголах многократного действия — номинатив или родительный.

Таким образом, выражение дополнения в этих языках демонстрирует как общие тунгусо-маньчжурские черты, так и уникальные диалектные особенности, отражающие их историческое развитие и контактное влияние.

Вепсский, хантыйский и мансийский языки демонстрируют различные стратегии маркирования дополнения, отражающие их генетические и типологические особенности. Во всех трёх языках присутствует противопоставление прямого и косвенного дополнения, однако средства их выражения существенно различаются.

В вепсском языке прямое дополнение при переходных глаголах оформляется партитивом (частичный объект) или генитивом (полный объект), что характерно для прибалтийско-финских языков. Например: Nägin poikad (вижу мальчика, генитив) — полный объект; Nägin poikoid (вижу мальчиков, партитив) — частичный или неопределённый объект.

Косвенное дополнение выражается адвербиальными падежами (иллатив, элатив, адессив и др.), а также послелогами. Порядок слов играет важную роль: дополнение обычно предшествует глаголу, но в эмфатических конструкциях возможна инверсия.

Хантыйский язык использует гибкий порядок слов, где позиция элемента зависит от его коммуникативной значимости. Ключевая информация чаще выделяется в начало или конец предложения, а глагол-сказуемое может занимать финальную позицию, предвываясь основным смысловым компонентом.

В мансийском языке и северных диалектах хантыского существует чёткое разграничение в выражении объектов действия в зависимости от их определённости. При падежном выражении объектов основной падеж может обозначать как определённые, так и неопределённые объекты; творительный падеж используется исключительно для определённых объектов, а направительный падеж применяется только к конкретным, известным адресатам действия.

В функции прямого дополнения могут употребляться существительные, местоимения (личные и некоторые формы безличных), прилагательные, числительные, причастные формы.

Эта особенность падежного маркирования объектов представляет собой характерную черту грамматического строя мансийского языка и отдельных диалектов хантыйского.

Ненецкий язык, относящийся к самодийской группе уральской семьи демонстрирует специфические особенности маркирования дополнения. Подлежащее переходного и непереходного глаголов оформляется одинаково, обычно в именительном падеже, а дополнение переходного глагола оформляется в винительном и маркируется суффиксами -м/-мә в тундровом диалекте и -в/-вә в лесном. Например, ня' мя' хадәм «я вижу оленя».

Косвенное дополнение выражается серией локативных падежей: датив -н/-нә, локатив (-хәна), пролатив (-мәна) и др. В ненецком языке существует интересная грамматическая особенность в предложениях с двумя дополнениями. Например, Мань книгам' пыдар нянд татадм' «я даю тебе книгу» оба объекта могут получать одинаковое окончание винительного падежа.

Порядок слов играет второстепенную роль, так как падежная система обеспечивает четкое различие синтаксических функций. Важной чертой является взаимодействие падежного маркирования с категорией определённости/неопределённости - определённые объекты чаще получают явное маркирование суффиксом винительного падежа.

Таким образом, система выражения дополнения в ненецком языке представляет собой сложное взаимодействие падежной маркировки и синтаксических отношений, типичное для самодийских языков.

Эскимосский язык обладает сложной и многофункциональной системой выражения дополнений, реализуемой через различные падежные формы. В форме прямого дополнения выражается абсолютным падежом с нулевым суффиксом при переходных глаголах. Отличительной особенностью дополнения в эскимосском языке является способность принимать форму творительного падежа.

Косвенное дополнение может выражаться творительным падежом с множеством значений (орудие, материал, сравнение и др.); дательно-направительным падежом (адресат или направление действия); местным падежом (место совершения действия); продольным падежом (движение сквозь объект или использование предмета-посредника).

Употребление местоимений и причастий в роли дополнения в эскимосском языке менее частотны. Абсолютный падеж в эскимосском языке функционально шире, чем русский именительный, так как может быть и подлежащим, и дополнением.

Эскимосская падежная система позволяет тонко дифференцировать отношения между действием и объектом, особенно в плане определённости, инструментальности и направленности и демонстрирует высокую степень синтетизма в грамматике.

Одна из особенностей дополнения в чукотском языке заключается в последовательном взаимодействии субъектного и объектного принципов в предложениях с переходными и непереходными глаголами, что создает гибкую систему кодирования дополнений в зависимости от глагольной валентности. Еще одной важной особенностью чукотского языка является наличие инкорпорации, которая дает возможность включения объекта в глагольную форму: Тыңэ-лыңу-ыркын «Оленя-убил». В таких случаях прямое дополнение теряет самостоятельное падежное оформление.

Данная система демонстрирует типологические черты чукотско-камчатских языков, в которых глагол играет центральную роль в организации предложения.

Особенностью нивхского языка является использование грамматических классов при оформлении дополнений. В отличие от многих других языков, в которых главную роль играет порядок слов, в нивхском языке падежные окончания чётко обозначают дополнения, а грамматические классы добавляют дополнительный уровень маркирования. Эта система демонстрирует уникальное сочетание черт, характерных для изолированных палеоазиатских языков.

Функциональный анализ дополнений в разносистемных языках выявляет как общие черты, так и уникальные особенности, обусловленные их генетической принадлежностью и языковыми контактами.

Тюркские и тунгусо-маньчжурские языки демонстрируют доминирующее маркирование аффиксами винительного падежа, фиксированный порядок слов в предложении, зависимость от определённости/неопределённости на падежное оформление.

В финно-угорских и самодийских языках преобладают развитая система локативных падежей, гибкий порядок слов в предложении при четком падежном маркировании. Отдельно стоит отметить уникальную черту ненецкого языка - наличие в одном предложении двух существительных в форме винительного падежа.

В чукотском, нивхском и эскимосском языках важными особенностями являются инкорпорация дополнений и сложная падежная система с многозначными формами.

Общей чертой в рассмотренных языках является глаголоцентричность, предполагающая, что тип предиката определяет стратегию маркирования дополнений. Анализируемые языки образуют плавный переход от языков строгого номинативного строя (долганский) к языкам с эргативной системой (чукотский). Данная градация демонстрирует приспособление грамматических структур к потребностям передачи смысла в разных языковых системах.

Благодарности

Авторы статьи выражают благодарность за научное консультирование Мызникову Сергею Алексеевичу, доктору филологических наук, члену-корреспонденту РАН.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Лебединская В.Г., Кубанский государственный университет, Краснодар Российская Федерация
DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2025.68.14.1>

Acknowledgement

The authors of the article express their gratitude for scientific advice to Myznikov Sergey Alekseevich, Doctor of Philological Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences.

Conflict of Interest

None declared.

Review

Lebedinskaya V.G., Kuban State University, Krasnodar Russian Federation
DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2025.68.14.1>

Список литературы / References

1. Бабайцева В.В. Современный русский язык Синтаксис. Пунктуация: в 3 т.; / В.В. Бабайцева, Л.Ю. Максимов. — Москва: Просвещение, 1981. — Т. 3. — 271 с.
2. Бармич М.Я. Курс ненецкого языка / М.Я. Бармич. — Санкт-Петербург: Алмаз-Граф, 2022. — 359 с.
3. Зайцева М.И. Словарь вепсского языка / М.И. Зайцева, М.И. Муллонен. — Москва: Наука, 1972. — 748 с.
4. Ильенко С.Г. Современный русский язык. Синтаксис: Учебник для филологических специальностей университетов / С.Г. Ильенко, М.Я. Дымарский, И.А. Мартыанова и др. — Москва: Юрайт, 2015. — 385 с.
5. Каксин А.Д. Казымский диалект хантыйского языка / А.Д. Каксин. — Ханты-Мансийск: ИИЦ ЮГУ, 2010. — 176 с.
6. Меновщиков Г.А. Эскимосский язык: Учебное пособие для педагогических училищ / Г.А. Меновщиков. — Ленинград: Просвещение, 1960. — 375 с.
7. Меновщиков Г.А. Эскимосский язык: Учеб. для уч-ся пед. уч-щ. 2-е изд., дораб. / Г.А. Меновщиков, Н.Б. Вахтин. — Ленинград: Просвещение, 1990. — 303 с.
8. Радунович Н.П. Русско-эскимосский словарь: около 19 000 слов / Н.П. Радунович. — Санкт-Петербург: Лема, 2014. — 437 с.
9. Ромбандеева Е.И. Мансийский язык: Учеб. для пед. уч-щ / Е.И. Ромбандеева, М.П. Вахрушева. — Ленинград: Просвещение, 1989. — 239 с.
10. Ромбандеева Е.И. Синтаксис современного мансийского языка / Е.И. Ромбандеева. — Тюмень: Формат, 2017. — 248 с.
11. Терещенко Н.М. Синтаксис самодийских языков. Простое предложение / Н.М. Терещенко. — Ленинград: Наука, 1973. — 325 с.
12. Чеснокова Л.Д. Проблема членов предложения в теоретическом и методическом аспектах / Л.Д. Чеснокова. — Ростов-На-Дону: Изд-во Таганрогского гос. пед. института, 1991. — 214 с.
13. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка / А.А. Шахматов. — Ленинград: Российская государственная академическая типография, 1925. — 441 с.
14. Шведова Н.Ю. Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения / Н.Ю. Шведова. — Москва: Языки славянской культуры, 2005. — 193 с.
15. Шиянова А.А. Хантыйский язык: виды разборов / А.А. Шиянова. — Тюмень: Формат-72, 2024. — 80 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Babajceva V.V. Sovremennyj russkij yazyk [Modern Russian language] The syntax. Punctuation: in 3 vol.; / V.V. Babajceva, L.Yu. Maksimov. — Moscow: Prosveshhenie, 1981. — Vol. 3. — 271 p. [in Russian]
2. Barmich M.Ya. Kurs neneczkogo yazyka [Nenets language course] / M.Ya. Barmich. — Saint Petersburg: Almaz-Graf, 2022. — 359 p. [in Russian]
3. Zajceva M.I. Slovar' vepsskogo yazyka [Dictionary of the Vepsian language] / M.I. Zajceva, M.I. Mullonen. — Moscow: Nauka, 1972. — 748 p. [in Russian]
4. Il'enko S.G. Sovremennyj russkij yazyk. Sintaksis: Uchebnik dlya filologicheskix special'nostej universitetov [Modern Russian language. Syntax: Textbook for philological specialties of universities] / S.G. Il'enko, M.Ya. Dy'marskij, I.A. Mart'yanova et al. — Moscow: Yurajt, 2015. — 385 p. [in Russian]
5. Kaksin A.D. Kazimskii dialekt khantiiskogo yazika [The Kazim dialect of the Khanty language] / A.D. Kaksin. — Khanti-Mansiisk: IITs YuGU, 2010. — 176 p. [in Russian]
6. Menovshnikov G.A. E'skimoskij yazyk: Uchebnoe posobie dlya pedagogicheskix uchilishh [The Eskimo language: A textbook for teacher training schools] / G.A. Menovshnikov. — Leningrad: Prosveshhenie, 1960. — 375 p. [in Russian]
7. Menovshnikov G.A. E'skimoskij yazyk: Ucheb. dlya uch-sya ped. uch-shh. 2-e izd., dorab. [The Eskimo language: A textbook for teachers of pedagogical sciences. 2nd ed., revised] / G.A. Menovshnikov, N.B. Vaxtin. — Leningrad: Prosveshhenie, 1990. — 303 p. [in Russian]
8. Radunovich N.P. Russko-e'skimoskij slovar': okolo 19 000 slov [Russian-Eskimo dictionary: about 19,000 words] / N.P. Radunovich. — Saint Petersburg: Lema, 2014. — 437 p. [in Russian]
9. Rombandeeva E.I. Mansijskij yazyk: Ucheb. dlya ped. uch-shh [The Mansi language: A textbook for teachers] / E.I. Rombandeeva, M.P. Vaxrusheva. — Leningrad: Prosveshhenie, 1989. — 239 p. [in Russian]
10. Rombandeeva E.I. Sintaksis sovremennogo mansijskogo yazyka [The syntax of the modern Mansi language] / E.I. Rombandeeva. — Tyumen': Format, 2017. — 248 p. [in Russian]
11. Tereshhenko N.M. Sintaksis samodijskix yazykov. Prostoe predlozhenie [The syntax of the Samoan languages. A simple suggestion] / N.M. Tereshhenko. — Leningrad: Nauka, 1973. — 325 p. [in Russian]
12. Chesnokova L.D. Problema chlenov predlozheniya v teoreticheskom i metodicheskom aspektakh [The problem of sentence members in theoretical and methodological aspects] / L.D. Chesnokova. — Rostov on Don: Publishing House of the Taganrog State Pedagogical Institute, 1991. — 214 p. [in Russian]
13. Shakhmatov A.A. Sintaksis russkogo yazika [The syntax of the Russian language] / A.A. Shakhmatov. — Leningrad: Russian State Academic Printing House, 1925. — 441 p. [in Russian]
14. Shvedova N.Yu. Determiniruyushhij ob'ekt i determiniruyushhee obstoyatel'stvo kak samostoyatel'ny'e rasprostraniteli predlozheniya [The determinant object and the determinant circumstance as independent distributors of the proposal] / N.Yu. Shvedova. — Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2005. — 193 p. [in Russian]
15. Shiyanova A.A. Xanty'jskij yazyk: vidy' razborov [Khanty language: types of analysis] / A.A. Shiyanova. — Tyumen': Format-72, 2024. — 80 p. [in Russian]